

— Еще только пришел, — ответил он, стараясь уйти от темы.

Фан Цзинь глубоко вздохнул. Не стоит злиться. Если тратить нервы на таких людей, в конечном счете пострадаешь только ты сам.

— Подожди здесь немного, еда будет готова через минуту.

— Хорошо, я подожду.

«Подожду» — как же!

Снова глубоко вздохнув, Фан Цзинь вернулся на кухню и продолжил готовить рыбу с необычным вкусом и другие блюда. Благодаря тому, что подготовительные работы были проведены заранее, на готовку ушло не так много времени.

Фан Цзинь настолько погрузился в удовольствие от процесса, что даже не заметил, как человек, который должен был послушно ждать за обеденным столом, тихо пробрался на кухню и теперь молча наблюдал за тем, как он хлопочет у плиты.

Поначалу Ань Цзыцзэ просто хотел полюбоваться тем, как красиво выглядит красавец за работой. Но когда от блюд поплыл манящий аромат, заставляющий слюнки течь рекой, проснувшийся в нем гурман уже не мог оторвать глаз от кастрюль. Никогда еще он не ждал обеда с таким нетерпением.

Каждая секунда тянулась как вечность. Ань Цзыцзэ, словно голодный волк, смотрел на еду с нескрываемым вождением.

Как бы сильно Фан Цзинь ни был увлечен кулинарией, под таким взглядом даже дурак бы все понял.

Фан Цзинь обернулся и произнес:

— Ань Цзыцзэ, помоги, пожалуйста, отнести еду.

Так что нечего больше пялиться на кухню.

— Хорошо-хорошо, — поспешно отозвался тот.

Он ни за что не признается, что был до крайности взволнован.

Обед действительно не обманул ожиданий Ань Цзыцзэ. Было невероятно вкусно — куда лучше,

чем у того разрекламированного шеф-повара, который работал у них дома и совершенно не оправдывал своего громкого звания.

Видя довольное лицо Ань Цзыцзэ, Фан Цзинь почувствовал, как его настроение постепенно улучшается.

Фан Цзинь всегда питал особую страсть к кулинарии. В прошлой жизни, даже будучи вечно занятым, он старался выделять время на совершенствование мастерства. Теперь его навыки могли сравниться с умениями лучших поваров мира. К тому же, Фан Цзинь всегда учитывал пользу блюд для здоровья, поэтому после еды люди ощущали необычайную легкость и комфорт.

Этого не могли добиться обычные кулинары, специализирующиеся лишь на элитных блюдах.

Заметив, что Ань Цзыцзэ вполне насытился, Фан Цзинь решил, что пора прибраться и вежливо попросить гостя уйти.

Когда он собирал посуду, Ань Цзыцзэ внезапно подался вперед, крепко схватил Фан Цзиня за запястье и, не сводя с него глаз, сказал:

— Цзинь, давай закроем эту лавочку? Иди ко мне домой, будешь моим личным поваром. Условия будут более чем щедрые.

Фан Цзинь приподнял бровь:

— Нет. — Тон был решительным, без малейшего намека на возможность передумать.

— Почему? — жалобно спросил тот.

Не глядя на Ань Цзыцзэ, Фан Цзинь поднял голову и посмотрел сквозь прозрачное стекло на улицу, не отличавшуюся оживленностью, и слегка погрузился в свои мысли.

В прошлой жизни он так стремился открыть небольшую лавку не только для того, чтобы обеспечить сестре средства на учебу в университете. Это было его собственной мечтой — жить простой, спокойной жизнью, управляя маленьким делом.

Тогда у него не было возможности воплотить это в реальность, и мечта стала его пожизненным сожалением. Теперь же, получив второй шанс, он был полон решимости исправить это.

Ань Цзыцзэ, глядя на мечтательное и нежное выражение лица Фан Цзиня, понял, что тот ни за что не согласится. Он хотел нанять его лишь ради того, чтобы в любой момент наслаждаться такой едой. Впрочем, даже если Фан Цзинь откажется, он всегда может приходить сюда, когда захочет. Наверное.

Ань Цзыцзэ огляделся и внезапно спросил:

— Погоди, Цзинь, когда ты планируешь официальное открытие?

— А? — Фан Цзинь немного растерялся от неожиданного вопроса.

Но быстро пришел в себя:

— Думаю, дня через два. Еще не все ингредиенты подготовлены.

Хотя он и старался изо всех сил.

— Я помогу тебе!

— Что? Что?

Ань Цзыцзэ, который до этого казался мягким и спокойным, словно весенний ветерок, внезапно изменился, будто нажали какую-то странную кнопку. Он стал напоминать большого золотистого ретривера, который выпросил лакомство и теперь надеется получить добавку — в данном случае, еще больше вкусной еды.

Фан Цзинь внезапно почувствовал себя удивительно удовлетворенным. На сердце стало так тепло и спокойно.

Он смущенно отвел взгляд, помолчал какое-то время, а затем едва заметно кивнул.

Ань Цзыцзэ просиял. По крайней мере, красивая жизнь была уже не за горами.

Пока Ань Цзыцзэ радовался, Фан Цзинь достал украшение, которое ранее снял:

— Раз уж ты решил мне помочь, пожалуйста, заberi это обратно.

Увидев, что именно протягивает Фан Цзинь, Ань Цзыцзэ помрачнел:

— Это подарок тебе.

— Это слишком ценно. — И правда, слишком дорого.

В глазах Ань Цзыцзэ мелькнуло раздумье, он посмотрел на Фан Цзиня:

— Я никогда не забираю подарки обратно.

Фан Цзинь вздохнул. На самом деле он совершенно не умел спорить, хотя это и ссорой-то назвать было нельзя.

Попытка вернуть украшение провалилась. Фан Цзинь решил, что при удобном случае все равно вернет его.

Несмотря на активную помощь Ань Цзыцзэ, лавка открылась лишь спустя два дня.

В последнее время Фан Цзинь был очень занят, но не упускал ни единой возможности заработать золотые монеты. При любой свободной минуте он подкармливал бездомных животных в закоулках. Эффективность была невысокой, но это лучше, чем ничего. К тому же, это была привычка из прошлой жизни, и Фан Цзинь делал это независимо от того, давали ли за это Очки морали или золотые монеты.

Более того, Фан Цзинь заметил: когда он зарабатывал Очки морали и не успевал конвертировать их в золото, ему начинало везти гораздо больше. Это особенно проявлялось в розыгрышах — вероятность выигрыша заметно возросла. В прошлой жизни он не выигрывал ни разу, что бы ни делал.

Теперь же Фан Цзинь чувствовал, что удача сопутствует ему во всем. Он даже начал думать, что Очки морали могут быть важнее золотых монет. Однако Сяо Чжа не давал никаких разъяснений по поводу их истинного назначения — возможно, он и сам не знал, а может, Небесный Путь не хотел, чтобы кто-то об этом догадывался.

Чем больше оставалось загадок, тем выше Фан Цзинь ценил Очки морали. У него даже закружилась мысль, что они могут стать ключом ко всему.

В ходе экспериментов Фан Цзинь выяснил: если он блокирует Сяо Чжа, накопление Очков морали, похоже, не учитывается Системой. Но при этом он все равно чувствовал прилив удачи, а значит, Очки морали все же действовали.

Из осторожности он никому об этом не рассказывал, а лишь строил свои планы.

Про себя Фан Цзинь называл эти очки Удачей.

Чтобы не вызывать подозрений, когда Система была активна, он продолжал усердно зарабатывать очки и тут же конвертировал их в золото. За короткий срок он накопил неплохую сумму.

Открыв магазин, Фан Цзинь был поражен изобилием товаров. Там были вещи с невероятными способностями: зелье невидимости, секретные техники боевых искусств, навык очаровательной

улыбки, меч властелина и многое другое.

Независимо от того, помогали ли эти вещи в выполнении заданий, нельзя было отрицать, что они воплощали собой все человеческие желания. Это была фабрика грез.

Фан Цзинь взял себя в руки и продолжил изучать ассортимент. Вскоре он обнаружил проблему: у всех этих привлекательных вещей был фатальный недостаток — ограничение по времени. Самое короткое — три минуты, самое долгое — до конца текущего мира. Единственное, что действовало в любом мире, — укрепление души. Но оно стоило баснословных денег и было спрятано так глубоко, что, если бы не внимательность Фан Цзиня, он бы его просто не заметил.

Вспомнив кое-что, он невольно скривил губы.

Когда он встретил Лян Чжуана, Сяо Чжа оказывал ему помощь. Но теперь Фан Цзинь видел, что все те предметы стоили немалых денег. То, что Сяо Чжа предоставлял их бесплатно, казалось крайне подозрительным.

Поняв это, Фан Цзинь решил, что единственное, что ему нужно в этом магазине, — это укрепление души. Похоже, это был его единственный козырь.

Укрепление души было товаром, который Небесный Путь был вынужден добавить, но делал это крайне неохотно. Уже один этот факт разжигал интерес Фан Цзиня до предела.

Сейчас у него было около 1200 монет, а укрепление души стоило 10 000. Фан Цзинь решил, что, выполняя задания, он будет тратить золото на необходимые вещи, но обязательно откладывать часть на укрепление души. Нельзя делать это слишком часто — он не боялся, что Сяо Чжа заподозрит неладное, он боялся, что это заметит Небесный Путь. Иначе он не сможет одержать верх.

Сяо Чжа, при всей своей хитрости, был глуповат — это качество было неизменным. Фан Цзинь был уверен, что сможет водить его за нос.

Жизнь шла своим чередом. Накануне открытия Фан Цзинь отпросился с занятий в академии, чтобы навестить мать. Насколько он знал, Бай Цинь работала на небольшом заводе. По ее словам, завод был маленьким, зарплата небольшая, но условия достойные: в жару выдавали вентиляторы и арбузы, в холод — средства для обогрева, рабочий день всего восемь часов, а руководство очень доброе и справедливое.

Фан Цзинь не верил ни единому слову. Правда заключалась в том, что все было с точностью до наоборот.

Это был мукомольный завод, где воздух был пропитан пылью — искра, и все взлетит на воздух.

Никаких хороших условий там не было. Едва подойдя к воротам, Фан Цзинь услышал, как грубый голос начальника орет на рабочих.

И этот начальник кричал именно на Бай Цинь.

Бай Цинь была слабой, болезненной женщиной, робкой и безобидной. Но доброта часто оборачивается против того, кто ее проявляет. Ее постоянно обижали, но дома она делала вид, что все в порядке, лишь бы сын не волновался. Она забывала, что ему уже восемнадцать, и он вполне мог нести ответственность за свою жизнь.

Причина криков была проста: Бай Цинь не справлялась с тяжелой физической работой. Но из-за отсутствия образования и крайней бедности ей приходилось держаться за это место. Начальник, человек мелочный и подлый, считал ее нерасторопность непростительным грехом. Он не только орал, но и, кажется, был готов пустить в ход кулаки.

Неизвестно, от ярости или еще от чего, но его сальная рука действительно дернулась в сторону лица Бай Цинь. Однако пощечина так и не достигла цели.

Шутки в сторону. Как можно позволить обижать беззащитную мать? Фан Цзинь никогда еще не злился так сильно на то, что прежний владелец тела не смог защитить ее.

В представлении Фан Цзиня мать — это высокое звание. Они нежны и заботливы, они готовы стать для ребенка целым миром, но сами при этом хрупки, как цветы, и подвержены жизненным бурям. Как сын, он должен стать для нее зонтом, укрывающим от любых невзгод.

Поэтому поведение начальника было для него абсолютно недопустимым.

Фан Цзинь крепко перехватил руку начальника. Тот был тучным, но Фан Цзинь, даже без помощи Системы (он привык блокировать Сяо Чжа), владел техникой боя и отлично умел использовать силу противника против него самого.

Исход был предрешен с самого начала.

Но, кажется, некоторые этого не понимали.

Первой была Бай Цинь. В ее глазах сын всегда был домоседом, который только и делал, что играл в игры. Она никогда не ждала от него защиты. Хотя в последнее время он сильно изменился, это убеждение глубоко укоренилось в ее сердце. Но сейчас... Она засомневалась.

В ее глазах блестели слезы, но она сдерживалась, не давая им упасть.

Вторым был начальник. Привыкший к безнаказанности, он был ошеломлен: какой-то тощий мальчишка посмел дать ему отпор? Для человека с таким раздутым эго это было невыносимо.

Начальник с силой выдернул руку и, тряся жирными щеками, сделал угрожающий вид.

Но эта фальшивая бравада не могла напугать Фан Цзиня. Он повидал в жизни всякое, и такие методы на него не действовали.

А вот на других — еще как. Бай Цинь испуганно спряталась за спину сына. Она очень хотела бы, чтобы он защитил ее, но страх перед начальником въелся в ее кости. Слишком трудно было найти в себе мужество.

Фан Цзинь украдкой взглянул на мать. Одного взгляда хватило, чтобы понять ее мучения. Его глаза потемнели. Если уж мать дошла до такого состояния, то прежний владелец тела был просто ничтожеством.

Все это не вина Бай Цинь. Ее слабость была врожденной. То, что она столько лет в одиночку боролась с жизненными трудностями ради сына, уже заслуживало уважения. Теперь же он сделает все, чтобы она жила в покое.

Начальник, видя, что его обычные методы не действуют на этого юнца, взревел от ярости.

Фан Цзинь обернулся и посмотрел на него ледяным взглядом. Начальник почувствовал, как его сковал мороз, он не мог пошевелиться.

Если бы кто-то более умный посмотрел в глаза Фан Цзиня, он бы увидел там взгляд голодного волка, готового поглотить тебя без остатка. Этот взгляд он отточил, имея дело с акулами бизнеса.

Что мог противопоставить этому глупый начальник? Лишившись остатков разума, он бросился на Фан Цзиня с кулаками.

Фан Цзинь едва заметно усмехнулся. Именно этого он и ждал.

Он был совершеннолетним, и если бы ударил первым, пришлось бы нести ответственность. Но если нападают на него, то его ответные действия — лишь самооборона.

Фан Цзинь был доволен. С такими людьми именно так и надо поступать.

Пока он размышлял, инстинкты сами сделали свое дело: начальник был повержен. Охранники, прибежавшие на шум, стояли в стороне и даже не подумали помочь «бедному» начальнику. Его здесь никто не любил, и все с удовольствием смотрели, как он получает по заслугам.

Бай Цинь была в шоке. Она и не подозревала, что ее сын обладает такими навыками.

Даже когда Фан Цзинь вывел ее оттуда, она все еще не могла прийти в себя.

Внезапно осознав происходящее, она попыталась вырваться и вернуться обратно. Шутка ли — эта работа была их главным источником дохода. Нужно извиниться перед начальником, и сына заставить извиниться. Она-то потерпит, но сын такой нежный, как он вынесет гнев начальника?

Но Фан Цзинь не отпускал ее руку. Он хотел вернуться домой и спокойно поговорить.

Объяснить все про свою лавку.

С трудом приведя Бай Цинь домой и полуправдой убедив ее в том, что деньги на магазин — это накопления, а навыки защиты — результат тайных тренировок, Фан Цзинь наконец выдохнул. Врать — это так утомительно.

Но он не мог рассказать о Системе. Ни при каких обстоятельствах.

Фан Цзинь украдкой взглянул на мать и почувствовал укол совести. В конце концов, он был тем самым мерзавцем, который занял тело ее сына.

Ни один родитель не хотел бы, чтобы тело его ребенка досталось кому-то другому.

Возможно, из-за этого чувства вины ему казалось, что взгляд Бай Цинь и ее поведение изменились. Ему стало страшно: а вдруг она что-то заподозрила?

Надеюсь, это всего лишь мои домыслы, думал он.

После долгих уговоров Бай Цинь все же согласилась уйти с завода и работать в его лавке. Фан Цзинь не хотел ее перегружать, но и сидеть без дела было вредно.

Умеренная занятость полезна для здоровья. Поэтому, пожалуйста, перестань так на меня смотреть...

Мне совестно.

<http://bllate.org/book/22173/2309935>